

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-3-256-257

© П. Р. Заборов

ЦЕННЫЙ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ ТРУД*

Обилие в наших архивах и библиотеках иностранных и иноязычных рукописей — одно из важных и ярких свидетельств интереса образованных русских людей к «чужим» культурам и их личных и эпистолярных контактов с деятелями этих культур, в какой бы сфере они себя ни проявили.

Среди всех этих культур французская занимает, несомненно, одно из первых мест — как в силу ее выдающейся роли в европейской (и не только европейской) интеллектуальной и художественной жизни XVIII–XIX веков, так и ввиду широкого распространения в России этого времени французского языка. Так что каждый вновь выявленный автограф французского ученого и писателя, каждая ставшая доступной запись на французском языке в альбоме или дневнике, каждая французская цитата в ранее неизвестном литературном тексте в той или иной степени пополняют наши сведения о взаимодействии двух великих культур.

Тема эта — далеко не новая, к ней в разное время обращались исследователи у нас и за рубежом, и сделано в этой области сравнительно много; однако большие и малые открытия такого рода не только возможны, но и нередко происходят, в чем убеждает и рецензируемый сборник, подготовленный группой сотрудников ИМЛИ РАН с привлечением специалистов из других научных учреждений и изданный под редакцией Е. Е. Дмитриевой и А. В. Голубкова. Книга посвящена памяти Тамары Владимировны Балашовой, видного специалиста по французской литературе XX века.

Сборник (официально он называется коллективной монографией, что вызывает некоторые сомнения) состоит из двух разделов — «Новонайденные рукописи и редкие издания» и «Статьи и материалы».

Большую часть первого раздела занимает публикация забытого русского издания, вышедшего в 1768 году. Это перевод-переложка

любопытного памятника французской литературы XVIII века — «Словаря любви» Жана-Франсуа Дрё дю Радье («Dictionnaire d'amour», 1741), первый литературный труд А. В. Храповицкого (1749–1801), впоследствии кабинет-секретаря Екатерины II (между прочим, поправлявшего ее сочинения) и талантливого мемуариста.

В сборнике приведены русский и французский тексты словаря, сильно отличающиеся один от другого, причем отличия эти отмечены во вступительной статье Л. И. Сазоновой, содержание которой, впрочем, много шире, поскольку в ней прослежена история галантной литературы во Франции и процесс становления ее в России; кроме того, оригинал словаря снабжен обширным комментарием, весьма полезным и для понимания его русской версии, а отличия суммированы в сводной таблице. Завершает публикацию еще одна статья о словаре Дрё дю Радье, принадлежащая Е. Е. Дмитриевой и особенно интересная соображениями о трудностях перевода этого памятника на русский язык и способах их преодоления, к которым вынужден был прибегнуть Храповицкий.

Следующая публикация — небольшой по объему дневник на французском языке прусской королевы Луизы, в котором она систематически фиксировала свои впечатления от восьминедельного пребывания вместе с супругом Фридрихом-Вильгельмом III в Петербурге в январе–феврале 1809 года в качестве гостей императорской четы. Дневник этот, опубликованный А. В. Голубковым и Е. Е. Дмитриевой, весьма любопытен как своего рода хроника придворной жизни и дворцового быта, который поразил коронованную немецкую гостью русского императорского семейства своей необычайной пышностью и блеском.

Другой материал, относящийся к XIX веку, — совсем иного рода. Это пространное «Письмо к барону де М<ерриану>» С. И. Тургенева, младшего из четырех братьев, оставивших столь глубокий след в русской общественной и литературной жизни. Дипломат и активный участник переустройства Европы после падения Наполеона и разрушения его империи, Тургенев был превосходно осведомлен о положении дел в Германии (точнее —

* Французские и франкоязычные рукописи в России (XVIII — начало XIX в.) / Под ред. Е. Е. Дмитриевой и А. В. Голубкова. М.: ИМЛИ РАН, 2019. 576 с.

в различных немецких государствах) и по инициативе его сослуживца и приятеля барона А. Меряна изложил свои мысли об этом в «Письме...», формально адресованном барону, а фактически (по вполне убедительному предположению одного из публикаторов) являвшемся ответом на «Записку о нынешнем положении Германии» А. С. Стурдзы. Интересное само по себе, тщательно подготовленное к печати и переведенное Е. О. Ларионовой, «Письмо...» Тургенева, помимо предварительных пояснений того же автора, снабжено комментарием, в сущности представляющим собой самостоятельное исследование, в основе которого лежит огромное множество немецких источников, перечень их занимает 10 страниц. Автор комментария — М. Ю. Коренева.

XX век представлен в сборнике лишь одной публикацией в точном смысле слова, принадлежащей А. Ф. Строеву. Речь идет о переписке А. Барбюса и А. В. Луначарского, в основном посвященной изданию международного еженедельника «Monde», создававшегося по инициативе Барбюса и при содействии Луначарского, в то время народного комиссара по просвещению, с целью объединения «революционно настроенной» интеллигенции; журнал этот выходил с 1928-го по 1935 год. Фактически Строев продолжил давние разыскания Ф. С. Наркирьера¹ и даже частично повторил им сделанное, однако существенно дополнил ранее известный материал и обновил его обработку.

Второй раздел сборника несколько отличается от первого, прежде всего по характеру включенных в него статей. Правда, статья Н. Л. Дмитриевой все же является скорее публикацией, поскольку парижский дневник С. И. Тургенева, фрагменты которого она приводит, никогда не появлялся в печати, и хотя Тургенев вел дневник по-русски, в тексте его, естественно, много разного рода вкраплений на французском языке. Немало их и в двух досконально изученных О. С. Муравьевой дамских альбомах первой половины XIX века, владелицы которых, да и оставлявшие записи участники, как правило, знали французский язык в совершенстве.

Все остальные статьи сборника — в полной мере историко-литературные исследования о русско-французских и русско-бельгийских связях XX столетия. Впрочем, и в них неизменно присутствует пусть иногда не очень объемный, но всегда интересный неизданный французский материал. Это относится к статье В. В. Полонского о формировании репутации

Д. С. Мережковского во Франции: к ней приложен цикл его писем к гр. М. Э. Прозору, дипломату и литератору, сыгравшему первостепенную роль в этом малоизученном процессе. Исследование Е. Д. Гальцовой, посвященное различным аспектам деятельности бельгийского писателя Франца Элленса и его русским связям, проиллюстрировано его письмами к М. В. Веселовской, самой деятельной его переводчице и вообще пропагандистке бельгийской литературы. Наконец, в фундаментальном исследовании Т. В. Балашовой о трудной судьбе в СССР романа Андре Жиде «Удел человеческий» («La Condition humaine», 1933) и его пьесы «Робер, или Общее благо» («Robert, ou l'Inêrêt général», 1934–1936) использован ряд ранее неизвестных текстов, извлеченных из французских и отечественных архивов.

В книге, столь насыщенной иноязычными материалами, естественно, встречаются всевозможные погрешности. Так, La salle Saint-Georges в переводе дневника прусской королевы фигурирует то как Георгиевский, то как зал Св. Георгия, хотя речь идет об одном и том же Тронном зале Зимнего дворца (ср. с. 209). «Семирамида», в которой с огромным успехом выступала гастролировавшая в России мадемуазель Жорж, несомненно, трагедия Вольтера (ср. там же). П. Метастазии был прославленным поэтом-либреттистом, на его слова написано множество опер, кантат и концертных арий, но сам он музыки, кажется, не сочинял (ср. там же). Ф.-Ж. Тальма исполнял главные роли не в пьесах Шекспира, а в трагедиях-адаптациях Ж.-Ф. Дюсиса (ср. с. 413–414); оставленный без пояснений «Шекспир излюбленный» — комедия А. Дювала «Влюбленный Шекспир» («Shakespeare amoureux», 1803; ср. с. 414), правильное название драмы А.-Ф. Дюмолара — «Венсан де Поль» (ср. с. 422). Название трагедии П. Л. де Беллуа — «Габриэль де Вержи» (ср. с. 423). Нарушением академической традиции является транскрипция названий иностранных периодических изданий, как это сделано в публикации переписки Барбюса с Луначарским. Наконец, называть Алексея Николаевича Веселовского академиком неверно, ибо он, в отличие от старшего брата, был почетным академиком, что совсем не одно и то же; к тому же вдова Юрия Алексеевича Веселовского вряд ли могла перепутать отчество своего покойного мужа (ср. с. 466).

В целом же этот труд заслуживает высокой оценки, и выход его в свет может стимулировать дальнейшие разыскания в наших архивохранилищах, богатство которых поистине неисчерпаемо.

¹ Лит. наследство. 1969. Т. 81. С. 227–248.